

УДК 332.146.2

Регион: экономика и социология, 2013, № 1 (77), с. 55–72

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Н.М. Сысоева

*Отдел региональных экономических и социальных проблем
Иркутского научного центра СО РАН*

Аннотация

Анализируются институциональные условия развития Байкальского региона в рамках реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. и других документов. Выделены три типа институтов, связанных с территориальным развитием: организационные, распределительные и трансформационные. Показано, что недостаточное качество трансформационных институтов в Байкальском регионе снижает эффективность реализации государственных программ по развитию территории и повышению ее конкурентоспособности в условиях открытых рынков.

Ключевые слова: Байкальский регион, стратегия, экономическое районирование, институты регионального развития, организационные институты, перераспределение средств, воспроизводственный потенциал, конкурентоспособность региона

Abstract

The paper analyses institutional conditions of the development of the Baikal region which can be seen in the Socio-Economic Development for the Far East and Baikal region and other documents. We can identify three types of institutions which impact on regional development such as organizing, distributive and

transformational ones. We show that the quality of the Baikal region transformational institutions reduces the effectiveness of the governmental programs aimed at the development and enhancement of competitiveness of this region in open markets.

Keywords: Baikal region, strategy, economic regionalization, institutions of regional development, organizing institutions, redistribution of incomes, reproductive potential, competitiveness of a region

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Байкальский регион, включающий в себя Иркутскую область, Республику Бурятию и Забайкальский край, впервые стал объектом стратегического планирования в пространственной политике страны. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утвержденная Правительством РФ в декабре 2009 г., предполагает наращивание экономического потенциала в геополитически важных для страны восточных регионах на основе государственной поддержки инвестиционной деятельности. В настоящее время формируется федеральная целевая программа для реализации проектов и идей, заложенных в Стратегии. Она разрабатывается как продолжение реализуемой в настоящее время Министерством регионального развития РФ программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», охватывающей большую часть территории, обозначенной в Стратегии (без Иркутской области). Расширение объекта стратегического планирования за счет включения в него Иркутской области послужило причиной изучения характера восприятия территории федеральным правительством, его принципов социально-экономического членения территории страны.

Несмотря на то что понятие Байкальского региона является сравнительно новым в официально признанном экономическом районировании, территория в сходных границах выделялась и ранее. В одной из первых сеток районирования, предложенной Госпланом и комиссией ВЦИК (1921 г.), иркутская и забайкальская части были объединены в единый Лено-Ангарский район [1]. При создании схемы админист-

ративно-территориального деления в 1929 г. в Сибирский край не включалась территория Бурятии, выделенной особо как Бурят-Монгольская АССР, и Забайкалья, отнесенного к Дальневосточному краю. Однако при разукрупнении Сибирского края в выделенный из его состава Восточно-Сибирский край помимо Красноярского края вошли территории и Бурятии, и Забайкалья.

Внимание к районированию самой Восточной Сибири возросло в послевоенный период. Значительная часть дискуссий была связана с положением Иркутской области относительно ее восточных и западных соседей, что в конечном итоге сформировало две точки зрения на границы и состав экономических районов. Н.Н. Колосовский предлагал объединить Иркутскую область, Бурят-Монгольскую АССР и Читинскую область в единый Восточно-Сибирский экономический район с угольно-металлургической специализацией [2]. Представителем другой позиции можно назвать В.А. Кротова, отстаивавшего единство Иркутской области с Красноярским краем и Хакасией в рамках Ангаро-Енисейского экономического района [3]. При этом оба ссылались на одни и те же факторы районообразования: тип производственного процесса (специализацию) и комплексность развития (внутренние экономические связи). В последующий период в ходе реализации планов освоения, формирования территориально-производственных комплексов на базе Ангаро-Енисейского каскада ГЭС стала преобладать точка зрения, поддерживаемая В.А. Кротовым.

Само понятие Байкальского региона также имеет свою историю. В последние годы оно применялось достаточно часто в связи с развитием экологических идей в организации хозяйственной жизни. Территория вокруг оз. Байкал стала одним из первых в стране полигонов для разработки программ экологически ориентированного природопользования, при этом часто оговаривалось включение в Байкальский регион Читинской области (Забайкальского края). Здесь принцип районирования определяется экологическими ограничениями хозяйственной деятельности человека, поэтому присутствие Забайкальского края в байкалоцентричном варианте выделения района оставалось номинальным.

Благодаря такой предыстории Байкальский регион в системе государственного планирования уже не воспринимался как нечто новое,

и при обсуждении стратегии в регионах его состав и границы не были предметом дискуссии. Однако в настоящее время говорить о едином хозяйственном комплексе Байкальского региона затруднительно: это три разрозненные субфедеральные экономики, которые объединяет только инфраструктура федерального уровня. Энергетика, рассматривавшаяся как основа районообразования в советской теории районирования, сегодня не является единой ни по источникам генерации, ни по тарифам, что дифференцирует ее роль в развитии производственной деятельности в регионе [4].

На наш взгляд, присоединение Иркутской области к восточным соседям сигнализирует о смене принципов районирования в современных условиях. Причина этого присоединения – не тип производственных процессов, не оз. Байкал, а близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона: Китаю и Монголии. В обсуждаемой стратегии Байкальский регион, так же как и Дальний Восток, идентифицирован в системе внешних рынков. Иркутская область, которая в советское время была форпостом индустриального продвижения на восток страны в рамках единой хозяйственной системы, теперь превращается в форпост продвижения стран АТР на запад по территории России. С этим подходом согласуется и очерченная территория действия Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009–2018 гг., в которой Восточная Сибирь заканчивается Иркутской областью [5].

Смена производственного принципа районирования на рыночный естественна при смене системы хозяйствования, но целью такого районирования в любом случае должно оставаться развитие регионов и национальной экономики, а не соблюдение интересов игроков глобального рынка. Эти задачи экономического и геополитического характера ставятся и в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Однако возможности развития регионов при такой открытости, при высокой степени зависимости от внешних рынков не являются безусловными. Еще в середине прошлого века К. Поланьи говорил о странах и регионах, которые, втягиваясь в открытый рынок в условиях глобализации, подвергались

опасности подчинения его законам в ущерб собственному развитию [6]. Причиной этого он считал отсутствие или низкую степень развития институтов, защищающих общество этих стран или регионов от издержек свободного рынка. Риск оказаться сырьевым хинтерландом для растущих экономик АТР существует и для регионов России, судьбу которых внешний рынок определяет в большей степени, чем внутренних. В связи с этим огромное значение имеет сложившаяся к настоящему времени институциональная среда развития Байкальского региона, определяющая условия его интеграции в систему мировых рынков и его конкурентоспособность в этой системе.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В последние годы в связи с расширением участия государства в реализации крупных инвестиционных проектов вошло в обиход понятие институтов развития, нацеленных на стимулирование экономического роста в регионах. Им сопутствует широко декларируемый механизм частно-государственного партнерства. В качестве таких институтов чаще всего подразумеваются финансовые образования, осуществляющие государственные инвестиции, но подобную роль выполняют и другие формы реализации государственной региональной политики, к которым следует отнести саму систему стратегического планирования и выделение территорий с особыми режимами хозяйствования. Эти институты условно можно назвать организационными: они создаются государством, носят конкретный и целенаправленный характер и не тиражируются обществом спонтанно.

Наибольшее внимание уделяется финансовым институтам развития. Сложившиеся к настоящему времени на федеральном уровне основные институты включают Инвестиционный фонд РФ, Российскую венчурную компанию, корпорацию нанотехнологий (ОАО «Роснано») и Банк развития и внешнеэкономической деятельности. После форума в Давосе в начале 2011 г. была оглашена идея создания специального фонда частных инвестиций совместно с иностранными компаниями на базе Внешэкономбанка. По сути своей это не институ-

ты, а организации. Непосредственно к региональному развитию можно отнести деятельность Инвестиционного фонда и Внешэкономбанка, предоставляющих средства для создания инфраструктуры в регионах. Новый вид института регионального развития в форме государственной корпорации начал обсуждаться в последнее время в связи с планами правительства создать специальную компанию для строительства инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке.

Система стратегического планирования как институт представляет собой способ постановки целей развития для отдельных регионов, порядок разработки, обсуждения и утверждения планов мобилизации ресурсов государства для их достижения [7]. В настоящее время сложился конкурентный рынок разработчиков таких стратегий с определенным уровнем цен и формами лоббирования в программах интересов конкретных акторов регионального развития. С системой планирования связано и экономическое районирование территории страны, регулирующие пространственные рамки отдельных стратегий или программ. На территориях с особым режимом хозяйствования посредством системы налогообложения или условий предоставления ресурсов стимулируются определенные виды деятельности.

Все перечисленные виды государственных институтов развития имеют отношение к Байкальскому региону, включая разработку стратегии. На его территории реализуется крупный проект Инвестфонда «Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Забайкальского края», в рамках которого государство создает железнодорожную инфраструктуру для освоения полиметаллических месторождений (инвестор – «Норильский никель»). ОАО «Роснано» совместно со Сбербанком и Евразийским банком развития финансирует строительство группой «Нитол» комплекса по выпуску поликристаллического кремния и моносилана в г. Усолье-Сибирское Иркутской области.

Из существующих в Байкальском регионе территорий с особыми режимами хозяйствования утверждены свободные экономические зоны туристско-рекреационного типа «Ворота Байкала» (Иркутская область) и «Байкальская гавань» (Республика Бурятия). Проектом Концепции совершенствования региональной политики от 2008 г. было

введено в оборот понятие зоны опережающего экономического развития. На территории Иркутской области их намечалось четыре, в Забайкалье – одна, охватывающая два субъекта Федерации. Однако в принятой впоследствии Концепции (от 2011 г.) этого понятия уже нет, такие зоны остались только в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона применительно к Бурятии, где их выделено пять. В Иркутской области и Забайкальском крае Стратегия выделяет только индустриальные зоны.

В рамках сотрудничества регионов Сибири и Дальнего Востока с Северо-Востоком Китая существует проект создания промышленной зоны в пгт Могойтуй Забайкальского края. Но эти зоны не институционализированы, не оговорены законодательно их особые условия. Фактически для нового этапа развития Байкальского региона не задано устойчивых внутренних пространственных ориентиров на стадии планирования.

Однако перечисленные институты развития, которые должны обеспечить ускорение роста экономики определенных территорий, являются организационными надстройками системы институтов общеэкономического характера и действуют в соответствии со сложившимися в обществе отношениями. Из широкого спектра общеэкономических институтов можно выделить нормы и организации, в наибольшей степени определяющие территориальное развитие. Вся их совокупность условно делится на две группы. Одна из них – распределительные институты. Сюда входят бюджетно-налоговая система, система распределения государственных инвестиций, другие внебюджетные отношения, в рамках которых средства изымаются с территорий и затем возвращаются на них в той или иной форме. Это наиболее часто обсуждаемая часть институционального механизма регионального развития, поскольку она находится на поверхности и дает решения наиболее видимой, легко воспринимаемой стороны проблемы. Как писала Н.И. Ларина, «региональная политика, по существу, является политикой перераспределения доходов» [8, с. 56].

Вторая группа институтов может быть названа трансформационной, или воспроизводственной. Эта система институтов слабо разработана в теории, и на нее обращается мало внимания на практике

и при стратегическом планировании. Речь идет об институциональной среде, или матрице, формирующей превращение генерированных на территории или поступивших на нее извне средств в накопления и далее в инвестиции, стимулирующей другие процессы регионального развития. Без развитой локальной и региональной институциональной среды организационные и распределительные институты не смогут выполнить возлагаемую на них задачу.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ

Сложно найти хотя бы один научный труд по проблемам регионального развития и местного самоуправления, в котором не высказывалось бы претензий к сложившейся системе изъятия доходов с территорий. Основное внимание в анализе распределительных институтов уделяется системе налогообложения. Сложившиеся в стране налоговые отношения характеризуются последовательной централизацией средств и высоким уровнем их перераспределения. Так, после изменения в 2004–2005 гг. налогового законодательства доля региональных консолидированных бюджетов в доходах консолидированного бюджета страны сократилась с 44,3% в 2004 г. до 36,1% в 2007 г., а в 2010 г. она составила 40,8%. По заключению Счетной палаты РФ, по стране в целом дополнительные доходы в 2004 г. только на 17–18% компенсировали сумму выпадающих доходов [9]. Вместе с тем основные затраты на поддержку экономики, в том числе и на поддержку инфраструктурных отраслей, несли регионы, а не федеральное правительство.

Действующая налоговая система ориентирована в основном на поступление налогов от промышленности, особенно от предприятий топливно-энергетического комплекса, а также налогов от добычи и экспорта природных ресурсов. Однако несмотря на высокодоходную специализацию всех трех субъектов Федерации, входящих в Байкальский регион, их региональные бюджеты дефицитны. Помимо общего сокращения поступлений от результатов труда, которое испытали все субъекты Федерации при изменении законодательства, субъек-

ты Байкальского региона потеряли в отчислениях от природной ренты в консолидированные бюджеты (табл. 1). Особенно пострадала Иркутская область, поступления в бюджет которой от платежей за ресурсы сократились более чем в 10 раз. Так, в настоящее время в федеральный бюджет зачисляется более 90% НДПИ, полностью – платежи за пользование лесным фондом в части минимальных ставок платы за древесину, водный налог.

В результате повышения степени изъятия налоговых доходов с территорий доля затрат федерального бюджета на трансферты нижестоящим бюджетам возросла с 33,5% от всех расходов в 2004 г. до 40,9% в 2010 г. В Иркутской области доля трансфертов в доходной части консолидированного бюджета в 2004–2010 гг. увеличилась с 12,7 до 26,7%. В Бурятии и Забайкальском крае доля трансфертов возрастала не столь существенно из-за исходно более высокого уровня дотационности – с 47,9 до 54,1% и с 37 до 40,6% соответственно.

Таблица 1

Динамика доходов субъектов РФ Байкальского региона

Доходы	Консолидир. субфедеральные бюджеты, млрд руб. (% от консолидир. бюджета субъекта РФ)		
	Иркутская обл.	Республика Бурятия	Забайкальский край
<i>2004 г.</i>			
Доходы, всего	33,6	14,3	18,7
В том числе налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	3,7 (11%)	0,4 (2,8%)	0,64 (3,4%)
<i>2009 г.</i>			
Доходы, всего	88,6	40,6	40,8
В том числе налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	0,71 (0,8%)	0,24 (0,6%)	0,49 (1,2%)

Источники: [10, 11].

Таким образом, от изменения налогового законодательства в наибольшей степени пострадал бюджет самого развитого субъекта Байкальского региона.

Помимо сокращения доли налоговых доходов консолидированного бюджета, поступающих в регионы, проблемой для субъектов Федерации является система волевой регистрации и перерегистрации крупных предприятий. В докладе Счетной палаты потери областного бюджета Иркутской области в части региональных налоговых доходов за 2003–2004 гг. оценивались в 12 млрд руб. из-за ухода из области в Москву ОАО «Иркутскэнерго», филиала ОАО «РЖД» «Восточно-Сибирская железная дорога», ОАО «НПК «Иркут» [9].

В структуре источников инвестиций у Байкальского региона, как и у России в целом, падает значение собственных средств, только в регионе это проходит более быстрыми темпами: с 2000 по 2010 г. их доля сократилась с 82 до 21% в Забайкальском крае и с 74 до 32% в Бурятии против общероссийских показателей 47,5 и 41% соответственно [12]. В Иркутской области за этот же период снижение было небольшим: с 62 до 58%. Ухудшение структуры финансирования капиталовложений в Бурятии и Забайкальском крае подтверждается ростом доли бюджетных инвестиций за тот же период с 19,6 до 33,6% и с 8,3 до 35,8% соответственно. Доля федерального бюджета также увеличивалась, поскольку Бурятия и Забайкальский край участвуют в федеральной программе развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г. Доля банковских кредитов остается ничтожно малой в Забайкальском крае (0,4% в 2000 г. и 0,5% в 2010 г.) и снизилась в Бурятии (с 5,4% в 2000 г. до 1,3% в 2010 г.). Только в Иркутской области она возросла за этот период с 0,5 до 10,6%. Фактически программа, завершающаяся в 2013 г., не улучшила инвестиционный потенциал Забайкалья и не дала желаемого эффекта для последующего развития этой части Байкальского региона.

Негосударственный канал межрегионального перераспределения инвестиционных средств обеспечивается вертикально-интегрированными корпорациями. Их влияние наиболее сильно в Иркутской области, которая по доле собственных средств в инвестировании (58%) находится в первой пятерке регионов страны (среднероссийская доля

в 2010 г. составляла 41%). Практически все крупнейшие предприятия отраслей специализации области находятся под внешним контролем. Основной причиной перехода региональных активов под аутсайдерский контроль после периода массовой приватизации А.С. Пилясов назвал именно недостаток собственных средств для инвестиций [13]. Однако более выгодная для инвестирования структура производства, характерная для Иркутской области и постепенно развивающаяся в других субъектах Байкальского региона (приход ГК «Норильский никель», ИФК «Метрополь»), имеет и отрицательные стороны. Во-первых, это ведет к консервации и даже усилению сырьевой ориентации региональной экономики, поскольку предприятия региона являются периферийными сырьевыми звеньями сложившихся внутрикорпоративных производственных структур и их модернизация или расширение мощностей не обеспечивают более глубокую переработку сырья или диверсификацию производства. Во-вторых, во внутрикорпоративных связях существует и обратный поток финансов, т.е. средства выводятся со счетов подведомственных предприятий на счета центральных структур. Так, согласно годовым отчетам, Коршуновский ГОК (Иркутская область), входящий в ОАО «Мечел-Майнинг», в 2008 и 2009 гг. предоставил займы другим структурам группы «Мечел» на суммы, составлявшие 96 и 55% от объемов капитализации предприятия соответственно [14].

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Воспроизводственный аспект регионального развития обычно рассматривается через призму инвестиционного климата, который призван повышать конкурентные преимущества региона, и предполагает внешние инвестиционные вливания со стороны частного бизнеса. Более приближенным к местным условиям развития является понятие предпринимательского климата. Институциональный подход в этой сфере ограничивается анализом институтов управления на региональном и муниципальном уровнях, их способности содействовать развитию хозяйственной деятельности на подведомственной территории.

Но проблема значительно шире, чем знание форм и способов управления, и здесь следует отметить две ее стороны, требующие специального анализа. Во-первых, это характер и состояние самого хозяйственного комплекса, его способность генерировать новые инвестиции на основе вложенных средств, т.е. воспроизводственный потенциал региона. Во-вторых, это состояние регионального сообщества, его способность к трансформации существующего положения, инновационный потенциал населения. Оба аспекта достаточно сложны по содержанию и не могут быть отражены в одной статье. Из всего спектра факторов институционального характера, влияющих на воспроизводственный потенциал территории, мы выделили проблему концентрации собственности и производства. Она важна для решения основной задачи Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, связанной с удержанием населения на территории региона.

Традиционно главным инструментом закрепления населения на территории в планах социально-экономического развития выступает создание рабочих мест. Но практика последних десятилетий показывает, что таких мер уже недостаточно, тем более что мероприятия, осуществляемые государством для реализации Стратегии, нацелены на создание в инфраструктурных или базовых отраслях рабочих мест, мало связанных с развитием человеческого капитала. Территории реализации крупных инвестиционных проектов уже не являются центрами притяжения населения [15]. Необходимо учитывать ряд других мотивов, связанных с возможностями карьерного роста для молодежи, ощущением сопричастности проходящим в регионе процессам и т.п. В качестве одного из средств привязки резидента к месту его проживания с перспективой продолжения рода на этой же территории мы рассматриваем вовлечение в предпринимательскую деятельность и предоставление возможности иметь собственность на immobile активы (землю, средства производства), являющиеся факторами экономического роста в регионе.

Концентрация производства характерна для регионов ресурсной специализации. В Иркутской области ведущие отрасли промышленности – электроэнергетика, цветная металлургия, лесопромышленный

комплекс, машиностроение. В электроэнергетике одна только компания «Иркутскэнерго» в 2010 г. произвела 98% всей электроэнергии в области. Первичный алюминий в цветной металлургии производят два предприятия: Братский и Иркутский алюминиевые заводы, первый из которых является крупнейшим в мире. Два предприятия лесопромышленного комплекса – Братский целлюлозно-картонный и Усть-Илимский целлюлозный комбинаты производят половину товарной целлюлозы в России. В машиностроении области 77% выручки в 2010 г. дал Иркутский авиационный завод. В Бурятии на долю Улан-Удэнского авиационного завода приходится 45% от объема отгруженных товаров всего обрабатывающего производства региона. Ряд примеров можно продолжить.

Все эти предприятия входят в состав вертикально-интегрированных компаний, ни одна из которых не базируется в Байкальском регионе, т.е. они фактически являются субъектами перераспределения средств, о чем говорилось выше. Для активов отраслей специализации Байкальского региона характерна помимо высокой степени концентрации еще и пирамидальная структура собственности в виде многоуровневых бизнес-групп. Именно вокруг таких предприятий возникла проблема локализации экономического эффекта отраслей специализации, т.е. проблема удержания заработанных средств на территории, их участия в ее экономическом и социальном развитии.

Проблема концентрации собственности в общеэкономической сфере исследуется с позиций оптимизации внутрикорпоративного контроля и управления: соотношения внешнего и внутреннего контроля, преодоления оппортунизма наемных менеджеров и т.д. Однако не получает должного внимания проблема воздействия структуры собственности на внешнюю среду корпорации – региональную социально-экономическую систему, для которой необходимо искать другие критерии эффективности. Такая структура представляет собой способ прямого распределения результатов производственной деятельности, тогда как все остальные попадают в сферу государственного перераспределения доходов. Расширение спектра прямых получателей прибыли сокращает нагрузку на государство. Что касается регионов, то в системе сложившихся межрегиональных распределительных инсти-

тутов, о которых мы говорили выше, такая нагрузка в большинстве из них является критичной. Поэтому интересы внешней среды, территории базирования компаний диктуют приоритет не концентрированной, а распыленной собственности с максимально возможным числом резидентов, участвующих в распределении доходов.

Государство в целом, напротив, заинтересовано в концентрации собственности, так как это создает условия для долгосрочных инвестиций и способствует стабилизации отношений под его же контролем. Компании с концентрированной собственностью главным источником инвестиций рассматривают нераспределенную прибыль, а не рынок капитала, угрожающий стейкхолдерам размыванием их пакетов акций. С другой стороны, концентрация собственности основных производителей и их опора на собственные средства препятствуют полноценному развитию рынка капитала в стране в целом, который является источником инвестиций для новообразованных и молодых компаний, вследствие чего гасится конкуренция, не развиваются связанные с рынком капитала рынки рабочей силы и товаров [16].

Произошедшая в начале 1990-х годов трансформация социально-экономического устройства страны должна была создать обширный класс собственников, но реализация этой идеи не дала удовлетворительных результатов. В докладе Счетной палаты, анализировавшей итоги приватизации 1993–2003 гг., констатируется, что формирование слоя мелких и средних собственников не состоялось и было отодвинуто на неопределенное время [17], при этом со ссылкой на экспертов Мирового банка отмечается, что в России самый высокий в мире уровень концентрации собственности. Согласно эмпирическим опросам, доля владения крупнейшего акционера в капитале промышленных предприятий в среднем на протяжении 2000-х годов возрастала с 25–40 до более чем 60% в 2009 г. [18].

Таким образом, сложившаяся структура собственности, характерная для ресурсных регионов, порождает проблему отчуждения большей части местного населения от производства, снижает его участие в присвоении результатов хозяйственной деятельности. И если оценить количественно саму степень концентрации собственности для отдельных регионов не представляется возможным, то можно косвен-

но определить ее результаты для жителей региона через динамику структуры доходов населения. В таблице 2 представлена эта динамика для Байкальского региона. В качестве исходного взят 1995 г., когда была завершена ваучерная приватизация и распыленность акций была максимальной.

В целом по стране за последние 15 лет существенно снизилась доля доходов от предпринимательской деятельности, доля оплаты

Таблица 2

Структура доходов населения Байкальского региона, %

Год	Всего доходов	Оплата труда	Социальные выплаты	Доходы		
				от предпринимательства	от собственности	другие
<i>Республика Бурятия</i>						
1995	100,0	47,8	14,9	17,0	3,9	16,4
2000	100,0	38,6	12,4	19,6	1,3	28,2
2010	100,0	38,4	21,8	12,0	2,2	25,6
<i>Забайкальский край</i>						
1995	100,0	42,9	12,4	25,6	2,3	16,8
2000	100,0	50,6	15,2	12,5	1,0	20,7
2010	100,0	47,1	19,1	13,0	1,7	19,1
<i>Иркутская обл.</i>						
1995	100,0	51,1	12,1	16,0	9,8	11,0
2000	100,0	40,6	11,6	19,0	2,2	26,7
2010	100,0	48,2	23,1	8,2	2,6	17,9
<i>Россия в среднем</i>						
1995	100,0	37,8	13,1	16,4	6,5	26,2
2000	100,0	36,5	13,8	15,4	6,8	27,5
2010	100,0	40,6	17,8	9,3	6,3	26,0

Источник: [12].

труда незначительно выросла, заметно увеличилась доля социальных выплат, а доля дохода от собственности почти не изменилась. На этом не очень благоприятном фоне все три субъекта Байкальского региона демонстрируют более высокий уровень социальных выплат по сравнению с общенациональным и более высокие темпы их прироста, особенно в Иркутской области. В то же время отчетливо видно, что снижаются доходы от собственности, и без того уступающие среднероссийским по своей доле. Высокие показатели Иркутской области в темпах трансформации доходов населения примечательны на фоне ее лидерства в объемах производства, что усугубляет процессы отчуждения местных сообществ от результатов производственной деятельности на своей территории.

В качестве главного источника решения проблемы накопления экономического потенциала территории в стратегических документах предлагается развитие малого и среднего бизнеса. Развитие этого сектора рассматривается как основная задача региональных и местных органов власти. Но малый бизнес не может решать проблемы экономического роста в ресурсных регионах, так как деятельность мелких предпринимателей чаще всего ограничена инфраструктурными сферами и соответствующими рынками товаров и услуг, перераспределяющими средства, поступившие от государства или специализированных производств. Это отражается и в составе местных элит, где преобладают выходцы из неторгуемых отраслей – строительства и торговли. Задачи экономического роста могут решать предприятия среднего бизнеса, укорененные в сложившейся системе взаимоотношений и связей на территории и способные формировать производства специализации, поставляющие продукцию на внешние для региона рынки. Но доля средних предприятий в регионе, как и в стране в целом, не превышает 0,5%, и по своей отраслевой структуре среднее предпринимательство сходно с малым. В обрабатывающем производстве преобладает пищевая промышленность. Отсюда парадоксальная ситуация: в «резидентском» секторе экономики промышленно развитой Иркутской области основной отраслью специализации (вывоз продукции за пределы региона) является аграрно-производственный комплекс, субсидируемый бюджетом.

* * *

Перечисленные аспекты институциональных проблем развития Байкальского региона должны оцениваться в первую очередь с позиции возрастания зависимости региона от глобального рынка, особенно после вступления России в ВТО. Стратегия в целом благоприятствует развитию основных отраслей специализации, основанных на добыче и первичной переработке природных ресурсов. Крупные предприятия, являющиеся филиалами вертикально-интегрированных структур, имеют сложившиеся и перспективные рынки для своей продукции, располагают широкими инвестиционными возможностями. Им будет помогать государство, создавая инфраструктуру вывоза продукции и поддерживая их на внешних рынках. Однако в отношении всей прочей сферы региональной экономики Стратегией предполагается саморазвитие. Именно субъекты Байкальского региона вместе с Дальним Востоком, соседи Китая, первыми должны почувствовать последствия вступления в ВТО, когда для оставшегося бизнеса начнут закрываться рынки сбыта, поэтому продолжение существующих тенденций ведет к деградации «резидентской» экономики, усилению исхода населения, воспринимающего свой регион в качестве сырьевого придатка как метрополии, так и азиатских стран. И эту опасность программа социально-экономического развития должна учесть, предлагая трансформацию институциональной среды, будет ли эта трансформация выражаться в создании иного налогового климата для резидентов территории, в раздаче земли или других природных активов, в проведении приватизации локальных объектов государственной собственности для местных жителей или в каких-то других формах.

Литература

1. **Алампиев М.П.** Экономическое районирование СССР. – М.: Госпланиздат, 1959. – 263 с.
2. **Колосовский Н.Н.** Теория экономического районирования. – М.: Мысль, 1969. – 335 с.
3. **Кротов В.А.** Насущные задачи совершенствования экономического районирования Сибири и Дальнего Востока // Экономико-географические проблемы формирования территориально-производственных комплексов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. VI, ч. 1. – С. 6–26.

4. **Регион:** экономика и социология. – 2010. – Спецвыпуск: Топливо-энергетический комплекс Востока России: приоритеты, проблемы и механизмы реализации направлений развития. – 308 с.
5. **Кулешов В.В., Атанов Н.И., Безруков Л.А. и др.** О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 6. – С. 62–69.
6. **Поляны К.** Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
7. **Селиверстов В.Е., Мельникова Л.В.** Анализ состояния стратегического планирования в регионах Сибирского федерального округа // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 3–21.
8. **Ларина Н.И.** Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с.
9. **Рябухин С.Н.** Анализ состояния и проблемы формирования доходного потенциала субъектов Российской Федерации // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. – 2007. – № 1 (109). – С. 184–210.
10. **Финансы России.** 2008: Стат. сб. / Росстат – М., 2008. – 453 с.
11. **Финансы России.** 2010: Стат. сб. / Росстат – М., 2010. – 468 с.
12. **Регионы России:** Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
13. **Пилясов А.Н.** Региональная собственность в России: свои и чужие. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/1/regionalnaya-sobstvennost-v-rossii-svoi-i-chuzhie> (дата обращения 26.06.2012).
14. **Годовой** отчет Коршуновского ГОКа. – URL: www.mechel.ru/investors/enclose/korshunov (дата обращения 29.10.2010).
15. **Абаев А.Р., Дец И.А.** Развитие телекоммуникационной инфраструктуры и демографические процессы в Байкальском регионе // Известия ИГУ. Сер. Науки о Земле. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 3–14.
16. **Капелюшников Р.И.** Концентрация собственности в системе корпоративного управления: эволюция представлений // Российский журнал менеджмента. – 2006. – Т. 4, № 1. – С. 3–28.
17. **Анализ** процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). – URL: www.ach.gov.ru/userfiles/tree/priv-tree_files-fl-6.pdf (дата обращения 26.06.2012).
18. **Долгопятова Т.Г.** Концентрация собственности в российской промышленности: эволюционные изменения на микроуровне // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 8. – С. 80–99.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 06.11.2012 г.